

УДК 711.4:316.7

Тамразова Илона Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки»

Московского политехнического университета, семейный психолог,

г. Москва, Россия, ilona999@mail.ru

ОТ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ К КУЛЬТУРЕ ЗАБОТЫ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: В статье культура заботы рассматривается как ценностная основа инклюзивного общественного пространства. Предложена модель, связывающая доступность, участие и учет разнообразия человеческих потребностей.

Ключевые слова: культура заботы, инклюзивное общественное пространство, доступность, инклюзия, человеческое достоинство, участие, проектирование общественных пространств.

Tamrazova Ilona Gennadyevna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow

Polytechnic University, Family Psychologist, Moscow, Russia, ilona999@mail.ru

FROM ACCESSIBLE ENVIRONMENT TO A CULTURE OF CARE: VALUE FOUNDATIONS OF INCLUSIVE PUBLIC SPACE

Abstract: The article considers a culture of care as a value-based foundation for inclusive public space. It proposes a model linking accessibility, participation, and recognition of diverse human needs.

Key words: culture of care, inclusive public space, accessibility, inclusion, human dignity, participation, public space design.

Развитие общественных пространств в последние десятилетия сопровождается изменением представлений об их социальной функции. Парк, площадь, набережная, музейная территория или рекреационный объект рассматриваются сегодня не только как элементы городской инфраструктуры. Качество таких пространств связано с возможностями участия различных групп населения в социальной и культурной жизни, разнообразием пользовательских сценариев и условиями взаимодействия людей с различными потребностями и жизненным опытом [12].

Значимым этапом этого процесса стало развитие концепции доступной среды. Формирование нормативных требований к маршрутам движения, входным группам, санитарным помещениям, средствам навигации и другим элементам инфраструктуры сыграло существенную роль в обеспечении равного доступа к общественным объектам. Вместе с тем современное понимание инклюзии охватывает более широкий круг условий взаимодействия человека со средой.

Соответствие требованиям физической доступности само по себе не обеспечивает полноценного участия всех пользователей. Сенсорная перегрузка, сложность ориентации, недостаток понятной информации, особенности организации сервиса и отсутствие подходящих сценариев пребывания способны ограничивать возможности человека даже в формально доступном пространстве. Возникает необходимость рассматривать наряду с устранением барьеров качество пользовательского опыта и характер участия человека в социальной жизни пространства.

Расширение представлений об инклюзивности выводит исследование общественной среды в ценностную плоскость. Значение приобретают признание человеческого разнообразия, сохранение достоинства, самостоятельность, безопасность, возможность участия и чувство принадлежности. Общественное пространство в таком случае выступает объектом проектирования и одновременно средой повседневного взаимодействия, в которой получают практическое выражение определенные

способы отношения к человеку.

В зарубежных исследованиях данная проблематика развивается, в частности, в рамках этики заботы. Дж. Дэвис рассматривает заботу применительно к городскому проектированию и исследует ее связь с доступностью, уязвимостью, взаимозависимостью и различиями жизненных обстоятельств пользователей [9]. В концепции *care-full public spaces* забота анализируется через взаимосвязь управления, материальной организации и дизайна, а также социальных практик использования пространства [14].

В российском научном дискурсе развитие представлений об инклюзивной среде связано с исследованиями социальной чувствительности города, универсального и инклюзивного дизайна, сенсорного благополучия, социальной сплоченности и инклюзивной культуры [1; 3; 4]. В предыдущих работах автора инклюзивная культура рассматривалась как система ценностных установок, основанных на признании разнообразия, уважении человеческого достоинства и создании условий для полноценного участия различных групп населения в общественной жизни [5].

Вместе с тем пространственные, социальные и ценностные характеристики инклюзивной среды представлены в научном дискурсе преимущественно в рамках различных исследовательских направлений. Это определяет необходимость поиска концептуальной категории, позволяющей рассматривать их во взаимосвязи. В настоящей работе в таком качестве исследуется культура заботы применительно к организации общественного пространства.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании культуры заботы как ценностной модели инклюзивного общественного пространства и определении ее соотношения с доступностью и инклюзивностью.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проследить развитие подходов от безбарьерной доступности к инклюзивному проектированию; определить содержание категории заботы применительно к

общественному пространству; выявить ее ценностные основания; разработать уровневую модель «доступность – инклюзивность – культура заботы» и определить критерии практического проявления культуры заботы в общественной среде.

Методологическую основу исследования составили междисциплинарный и системный подходы, позволяющие рассматривать общественное пространство во взаимосвязи его материальных, социальных и ценностных характеристик. Использованы методы теоретического анализа и обобщения отечественной и зарубежной научной литературы, анализа международных документов в области доступности и инклюзии, сопоставления исследовательских подходов и концептуального моделирования.

Рабочая гипотеза состоит в том, что нормативная доступность является необходимым, однако недостаточным условием формирования инклюзивного общественного пространства. Устойчивый учет разнообразия человеческих потребностей предполагает включение соответствующих ценностных оснований в проектирование, управление, сервис и организацию пользовательского опыта. Категория культуры заботы позволяет концептуализировать данный уровень организации среды.

От безбарьерной среды к инклюзивному проектированию: эволюция подходов

Проблема доступности городской среды получила системное развитие во второй половине XX века в связи с изменением представлений об инвалидности и правах человека. Переход от медицинской модели инвалидности к социальной и правозащитной сместил внимание с индивидуальных ограничений на барьеры, возникающие во взаимодействии человека с окружающей средой и препятствующие его полноценному участию в общественной жизни.

Существенное значение для закрепления этого подхода имело принятие

в 2006 году Конвенции ООН о правах инвалидов. В статье 9 доступность рассматривается в связи с обеспечением независимой жизни и полноценного участия человека во всех сферах общественной жизни. Она охватывает физическое окружение, транспорт, информацию и коммуникацию, информационно-коммуникационные технологии, а также объекты и услуги, открытые или предоставляемые населению [8]. Тем самым содержание доступности выходит за пределы устранения архитектурных препятствий.

В Общем комментарии № 2 Комитета ООН по правам инвалидов доступность определяется как предварительное условие независимой жизни и полного и равного участия людей с инвалидностью в жизни общества [6]. Применительно к общественным пространствам это положение позволяет различать физическую возможность попасть на территорию и возможность пользоваться ее функциями, ориентироваться, получать информацию, обращаться к услугам и участвовать в предусмотренных видах деятельности.

Международный стандарт ISO 21542:2021 устанавливает требования и рекомендации в отношении доступности и удобства использования зданий и ряда элементов прилегающей территории [10]. При этом самостоятельные открытые общественные пространства, не связанные непосредственно с использованием конкретного здания или группы зданий, не входят в сферу его регулирования. Это ограничение показательно для настоящего исследования: техническое нормирование остается необходимым инструментом обеспечения доступности, но не охватывает всего комплекса отношений человека с общественным пространством.

Расширение содержания доступности повлияло и на проектную практику. Развитие универсального дизайна связано с ориентацией на возможность использования объектов и среды максимально широким кругом людей. В центре внимания оказывается разнообразие характеристик пользователей, а проектное решение изначально рассматривается с точки зрения различных способов движения, восприятия информации и взаимодействия со средой [2].

Для общественных пространств эта логика приобретает дополнительное социальное измерение. Парк, площадь, набережная или культурно-рекреационная территория одновременно являются физической средой и местом взаимодействия людей. Доступный маршрут обеспечивает передвижение, навигация помогает ориентироваться, оборудование расширяет возможности использования инфраструктуры. Однако полноценность участия зависит также от того, насколько разные пользователи могут выбирать подходящие сценарии пребывания, пользоваться общими функциями пространства и сохранять самостоятельность.

Особое значение имеют потребности, которые невозможно описать исключительно параметрами физической мобильности. Сенсорная чувствительность, особенности восприятия информации, возрастные изменения, временные ограничения здоровья, необходимость отдыха или сопровождения способны существенно влиять на пользовательский опыт. Их учет требует анализа последовательности взаимодействия человека со средой: от получения предварительной информации и прибытия до участия в событиях, использования инфраструктуры, отдыха и завершения посещения.

Инклюзивное проектирование расширяет предмет такого анализа за счет информационной, сенсорной, когнитивной и коммуникативной составляющих. Значение приобретают понятность и предсказуемость среды, возможность выбора сценария пребывания, различные способы получения информации, регулирование сенсорной нагрузки, организация сервиса и подготовленность персонала к взаимодействию с разнообразной аудиторией.

Меняется и положение пользователя в процессе формирования среды. Общий комментарий № 7 Комитета ООН по правам инвалидов связывает эффективное и содержательное участие людей с инвалидностью через представляющие их организации с реализацией положений Конвенции [7]. Для исследования и проектирования общественных пространств этот принцип имеет методологическое значение. Изучение пользовательского опыта и включение представителей различных групп в оценку решений позволяют

обнаруживать барьеры, которые не всегда выявляются посредством нормативной или технической экспертизы.

Развитие подходов к доступности сопровождается расширением предмета проектирования. Технические характеристики среды дополняются анализом информации, коммуникации, сенсорных условий, сервиса и пользовательских сценариев. Вопрос о возможности доступа постепенно связывается с вопросом о качестве участия человека в жизни общественного пространства.

Инклюзивное общественное пространство в контексте российской научной традиции

В российском научном дискурсе инклюзивность городской среды рассматривается на пересечении социологии, архитектуры и дизайна, культурологии и социальной политики. Наряду с вопросами физической доступности все большее значение приобретают пользовательские практики, социальные отношения и возможности участия различных групп населения в городской жизни.

В исследованиях социальной урбанистики Д. В. Зайцев, О. В. Зайцева и В. Н. Ярская-Смирнова связывают развитие инклюзивной культуры с социальной сплоченностью и формированием социально-чувствительной городской среды [3]. В предложенной авторами системе инклюзивных трендов наряду с универсальным дизайном выделяется социокультурное направление, включающее создание условий для интеграции, коммуникации, совместного досуга, добрососедства, взаимопомощи и поддержки. Пространственная организация рассматривается здесь во взаимосвязи с социальными практиками, которые она делает возможными.

Такой подход позволяет анализировать инклюзивность как характеристику отношений человека с городской средой и сообществом. Общественное пространство приобретает значение социальной инфраструктуры, поскольку его устройство влияет на доступность различных

форм городской жизни, возможности коммуникации и характер повседневного взаимодействия.

В архитектурно-дизайнерских исследованиях также наблюдается расширение представлений об отношениях человека и среды. Т. Ю. Быстрова рассматривает развитие подходов от универсального к инклюзивному дизайну и характеризует проектируемую среду как динамическое системное целое, изначально включающее людей с различными запросами и характеристиками [1]. Особое внимание уделяется сенсорному благополучию и когнитивной ясности среды. Эти параметры позволяют учитывать различия в восприятии пространства, связанные с возрастом, состоянием человека, сенсорной чувствительностью и особенностями обработки информации.

Еще одно направление представлено исследованиями публичных культурных пространств. О. Н. Зайкова рассматривает развитие городской среды в связи с повышением комфортности, формированием доступности и развитием инклюзивной культуры [4]. На материале библиотек автор показывает значение новых форм обслуживания, культурных и просветительских программ, сенсорных пространств и открытых площадок для участия различных групп населения в общественной жизни. В данном подходе пространственная организация связывается с содержанием деятельности, коммуникацией и сервисом.

Рассмотренные исследования показывают, что российская научная традиция располагает основаниями для комплексного понимания инклюзивного общественного пространства. Социальная чувствительность, универсальность, учет сенсорных и когнитивных различий, участие, социальная сплоченность и взаимопомощь рассматриваются в различных дисциплинарных контекстах, однако обращены к общей проблеме взаимодействия человека и среды.

При этом пространственные, социальные и ценностные характеристики остаются распределенными между несколькими исследовательскими направлениями. Социальная урбанистика акцентирует участие и сплоченность,

архитектурно-дизайнерские исследования изучают универсальность и разнообразие пользовательских характеристик, исследования культурных пространств связывают доступность с сервисом, коммуникацией и участием. Возникает задача их концептуального объединения в рамках подхода, позволяющего рассматривать устройство пространства, пользовательский опыт и ценностные основания во взаимосвязи.

В настоящем исследовании таким объединяющим понятием предлагается считать культуру заботы. Ее рассмотрение позволяет перейти от анализа отдельных характеристик инклюзивной среды к вопросу о принципах, определяющих отношение пространства к человеческому разнообразию.

Культура заботы как ценностная категория общественного пространства

Категория заботы имеет длительную традицию осмысления в философии и социальной теории. В рамках этики заботы внимание сосредоточено на взаимозависимости людей, восприимчивости к потребностям другого и ответственности за условия совместной жизни. Дж. Тронто рассматривает заботу в широком общественном и политическом контексте, что позволяет обращаться к ней при анализе социальных институтов и способов организации совместной жизни [11].

Применение этики заботы к исследованию города расширяет представление о факторах, определяющих качество городской среды. М. Уильямс связывает возможность формирования *care-full cities* с признанием взаимозависимости и ответственности, а также с повседневными практиками поддержания, восстановления и преобразования города [13]. В этой перспективе город рассматривается как система отношений, воспроизводимых в том числе через способы организации и использования его пространств.

В работе Дж. Дэвис этика заботы получает непосредственное развитие применительно к городскому проектированию. Автор рассматривает доступность в контексте реальных жизненных обстоятельств человека, его уязвимости, зависимости и потребности в поддержке [9]. Проектирование в

таким случае затрагивает физические характеристики среды и вместе с тем условия, в которых складываются отношения между человеком, пространством и другими участниками городской жизни.

Для настоящего исследования особенно значима концепция *care-full public spaces*, предложенная М. Уильямс и соавторами. Авторы выделяют три взаимосвязанных измерения заботы в общественном пространстве: управление, материальную организацию и дизайн, а также практики его использования [14]. Такой подход позволяет рассматривать заботу как характеристику функционирования пространства в целом, включая проектные решения, правила, сервис, коммуникацию и повседневное взаимодействие пользователей.

В российском научном дискурсе категория заботы применительно к общественным пространствам пока не получила сопоставимой степени концептуализации. Вместе с тем исследования инклюзивной культуры, социально-чувствительной городской среды и инклюзивного дизайна обращаются к близкому кругу вопросов: признанию разнообразия пользователей, социальному участию, взаимопомощи, сенсорному благополучию, доступности коммуникации и укреплению социальных связей [1; 3; 4]. Это создает основания для рассмотрения культуры заботы в контексте развития инклюзивного общественного пространства.

В настоящем исследовании под культурой заботы в общественном пространстве понимается ценностно ориентированная модель организации среды, при которой разнообразие физических, сенсорных, когнитивных, возрастных, психологических и социальных потребностей человека учитывается как исходное условие проектирования, управления и организации взаимодействия.

Предлагаемое определение переносит внимание с отдельных решений на принципы организации среды. Его содержание раскрывается через пять взаимосвязанных ценностных оснований: человеческое достоинство, признание разнообразия, участие, безопасность и принадлежность.

Человеческое достоинство связано с возможностью пользоваться общественным пространством без вынужденной зависимости, изоляции или стигматизации. Его пространственным выражением становятся самостоятельность пользователя, доступ к общим сценариям пребывания и возможность принимать решения о характере собственного взаимодействия со средой.

Признание разнообразия предполагает учет различий в физических возможностях, возрасте, способах восприятия информации, сенсорной чувствительности, жизненных обстоятельствах и потребностях. Для организации общественного пространства это означает необходимость вариативных пользовательских сценариев, позволяющих выбирать приемлемые темп и продолжительность пребывания, уровень активности, способы получения информации и интенсивность взаимодействия.

Участие характеризует возможность человека быть включенным в социальную и культурную жизнь пространства. Оно предполагает доступ к общей инфраструктуре, мероприятиям и различным формам взаимодействия. Существенным становится и участие пользователей в обсуждении решений, влияющих на условия пребывания и характер использования территории.

Безопасность в рамках культуры заботы включает физические условия и предсказуемость взаимодействия со средой. Понятность маршрутов и правил, доступность помощи, возможность регулировать интенсивность сенсорной и социальной нагрузки создают условия для более самостоятельного и устойчивого пользовательского опыта.

Принадлежность связана с восприятием общественного пространства как доступной человеку части общей городской жизни. Она формируется через возможность пользоваться общими пространствами и участвовать в совместной деятельности, понятность среды, повторяющийся положительный опыт пребывания и отсутствие исключаящих практик. В этом качестве общественное пространство способно поддерживать социальные связи и включенность человека в сообщество.

Перечисленные ценности объединяет признание изменчивости человеческих возможностей и взаимозависимости участников общественной жизни. Потребность в отдыхе, помощи, сопровождении, дополнительной информации или снижении внешней нагрузки может иметь постоянный либо ситуативный характер. Возраст, родительство, временное ухудшение здоровья, травма, эмоциональное состояние и другие жизненные обстоятельства меняют способы взаимодействия человека со средой. Учет подобной изменчивости расширяет содержание инклюзии и снижает необходимость жестко связывать поддержку только с принадлежностью к заранее определенной социальной категории.

Культура заботы тем самым вводит в анализ общественного пространства дополнительное ценностное измерение. Доступность позволяет выявлять барьеры и оценивать возможность использования среды. Инклюзивность характеризует условия участия различных пользователей. Культура заботы обращена к принципам, которыми руководствуются при проектировании, управлении, организации сервиса и коммуникации и которые определяют способность пространства учитывать человеческое разнообразие системно и последовательно.

Общественное пространство в этой перспективе может рассматриваться как среда повседневного воспроизводства социальных отношений. Возможность выбора, самостоятельность, уважение к различиям и доступность поддержки получают материальное, организационное и коммуникативное выражение. Поэтому культура заботы характеризует не отдельный элемент пространства, а согласованность решений и практик, определяющих опыт взаимодействия человека со средой и другими людьми.

Предложенное понимание создает основание для следующего этапа исследования — определения соотношения доступности, инклюзивности и культуры заботы в рамках единой аналитической модели.

Доступность, инклюзивность, культура заботы: уровневая модель

общественного пространства

Проведенный анализ позволяет представить соотношение доступности, инклюзивности и культуры заботы в виде трех взаимосвязанных уровней организации общественного пространства. Их разграничение основано на различии предмета оценки и степени учета человеческого разнообразия в проектировании, управлении и повседневном функционировании среды.

Первый уровень образует доступность. Его содержание связано с устранением физических, информационных и иных барьеров, ограничивающих возможность человека попасть в общественное пространство, перемещаться по нему, получать необходимую информацию, пользоваться инфраструктурой и услугами. На этом уровне существенное значение имеют нормативные требования и технические характеристики среды [6; 8; 10].

Второй уровень связан с инклюзивностью. Предметом анализа становится участие человека в жизни общественного пространства. Учитываются пользовательские сценарии, особенности восприятия среды, доступность событийных и культурных форматов, коммуникация, сервис и возможность пользоваться общими функциями территории [1; 3; 4]. Инклюзивность характеризует качество условий, в которых люди с различными потребностями получают возможность участвовать в общей социальной жизни пространства.

Третий уровень представлен культурой заботы. На этом уровне предметом анализа становятся ценностные основания организации среды. Человеческое разнообразие учитывается в логике проектирования, управления, сервиса и коммуникации; значение приобретают достоинство, самостоятельность, безопасность, участие и принадлежность [9; 13; 14].

Соотношение уровней определяется последовательным расширением предмета анализа. Доступность характеризует возможность использования пространства, инклюзивность — возможность полноценного участия, культура

заботы — ценностную логику организации среды и поддерживаемых ею отношений.

Рис. 1. Уровневая модель «Доступность – инклюзивность – культура заботы»
Источник: разработано автором.

Рис. 1. Уровневая модель «Доступность – инклюзивность – культура заботы»

Источник: разработано автором

Предлагаемая модель имеет аналитический характер. Она не описывает обязательную хронологическую последовательность преобразования конкретного объекта и не предполагает отказа от решений предыдущего уровня. Каждый последующий уровень включает результаты предшествующего и расширяет предмет оценки. Инклюзивность невозможна без базовой доступности, а культура заботы предполагает сохранение доступности и участия в качестве необходимых характеристик среды.

Различия между уровнями проявляются также в способе учета потребностей пользователя. Практика адаптации часто связана с выявлением уже существующего барьера. Инклюзивное проектирование стремится учитывать разнообразие пользователей на этапе формирования среды. Культура заботы закрепляет такое внимание в принципах ее дальнейшего функционирования и управления, включая наблюдение за пользовательским опытом, обратную связь и корректировку решений.

Положение пользователя в этой системе также меняется. При оценке доступности он преимущественно выступает как пользователь объекта, для которого должны быть обеспечены необходимые условия. Инклюзивный подход придает большее значение его опыту и участию в выявлении барьеров [7]. На уровне культуры заботы взаимодействие с пользователями становится постоянной составляющей управления пространством.

Практическое значение модели состоит в возможности анализировать существующие и проектируемые общественные пространства одновременно на трех уровнях: технических условий использования, качества участия и ценностных принципов организации среды. Такое разграничение создает основу для последующей разработки критериев культуры заботы.

Практическая реализация культуры заботы в общественном пространстве

Ценностное содержание культуры заботы приобретает прикладное значение в тех случаях, когда получает выражение в проектировании, сервисе, коммуникации и управлении общественным пространством. Практическая реализация данного подхода охватывает весь жизненный цикл среды: исследование пользовательских потребностей, разработку проектных решений, эксплуатацию, подготовку персонала и последующую оценку опыта посетителей.

Одним из основных механизмов становится анализ пользовательского пути. Посещение общественного пространства представляет собой последовательность взаимосвязанных этапов, включающих получение предварительной информации, прибытие, вход, ориентацию, передвижение, использование основных функций, участие в мероприятиях, отдых, получение помощи и завершение посещения. На каждом этапе могут возникать физические, сенсорные, когнитивные, информационные, коммуникационные или социальные барьеры. Доступность отдельных элементов приобретает практическое значение только при их включенности в непрерывный

пользовательский сценарий.

Вторым механизмом выступает вариативность пользовательских сценариев и возможность выбора. Различная протяженность маршрутов, наличие мест для отдыха, альтернативные способы получения информации, участки с разной интенсивностью активности и возможность временно выйти из насыщенной среды позволяют человеку регулировать характер пребывания в соответствии с собственными потребностями. Вариативность поддерживает самостоятельность пользователя и в ряде ситуаций снижает необходимость специального обращения за помощью.

С этим связана сенсорная и информационная предсказуемость среды. Интенсивность звука и света, визуальная насыщенность, плотность людей и количество одновременно действующих раздражителей способны влиять на продолжительность и качество пребывания. Исследования инклюзивного дизайна позволяют рассматривать сенсорное благополучие и когнитивную ясность как значимые характеристики среды [1]. Предварительная информация о маршрутах, условиях доступности, расположении мест отдыха и санитарных помещений, особенностях мероприятий и существующих ограничениях дает пользователю возможность планировать посещение и принимать самостоятельные решения.

Самостоятельным механизмом культуры заботы является поддерживающая коммуникация и сервис. Пространственные решения не обеспечивают инклюзивности, если взаимодействие с персоналом создает дополнительные барьеры. Значение имеют способность корректно предложить помощь, уважение права человека отказаться от нее, понятность процедур, доступность различных способов коммуникации и возможность получить поддержку без неоправданного подтверждения собственных потребностей.

Практика *care-full public spaces* показывает значение взаимосвязи материальной организации, управления и способов использования общественного пространства [14]. Поэтому культура заботы предполагает согласованность архитектурных и дизайнерских решений, информационной

политики, сервиса, событийной программы и правил эксплуатации.

Особое значение приобретает участие пользователей. Обратная связь позволяет оценивать фактический опыт взаимодействия со средой, а включение представителей различных групп в исследование и оценку пространства способствует выявлению барьеров, которые могут оставаться незаметными при технической экспертизе [7]. При этом участие имеет содержательный характер только тогда, когда полученная информация может влиять на последующие решения.

Наконец, культура заботы предполагает адаптивность управления. Пользовательский опыт изменяется вместе с аудиторией, сезонными условиями, интенсивностью посещения, событийной программой и способами использования территории. Поэтому оценка инклюзивности не завершается после ввода объекта в эксплуатацию. Наблюдение, обратная связь и корректировка решений становятся частью поддержания качества пространства.

Перечисленные механизмы позволяют перевести ценностные основания культуры заботы в плоскость практического анализа. Пользовательский путь, вариативность сценариев, сенсорная и информационная предсказуемость, поддерживающая коммуникация и сервис, участие пользователей и адаптивность управления образуют систему характеристик, на основании которой могут быть сформулированы критерии оценки культуры заботы.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволил получить два взаимосвязанных результата. Первым является уровневая модель инклюзивного общественного пространства, включающая доступность, инклюзивность и культуру заботы. Разграничение уровней основано на расширении предмета оценки: от возможности использования пространства к полноценному участию и далее к ценностным принципам, определяющим проектирование, управление и повседневное функционирование среды.

Предложенная модель имеет аналитический характер и не предполагает обязательной последовательности преобразования конкретного объекта. Каждый последующий уровень включает характеристики предыдущего и расширяет область анализа. Культура заботы в этой системе представляет уровень, на котором признание человеческого разнообразия получает выражение в согласованных проектных, информационных, сервисных, коммуникативных и управленческих решениях.

Вторым результатом исследования является авторская система критериев, позволяющая оценивать практические проявления культуры заботы в общественном пространстве. Критерии сформированы на основании выделенных ценностных оснований и анализа механизмов взаимодействия человека со средой. Они предназначены для перевода теоретической категории культуры заботы в плоскость наблюдаемых характеристик функционирующего пространства.

Таблица 1. Критерии культуры заботы в общественном пространстве

Критерий	Содержание оценки	Наблюдаемые проявления
Непрерывность пользовательского пути	Связанность основных этапов взаимодействия человека с пространством	Доступность предварительной информации, прибытия, входа, ориентации, основных функций, отдыха, получения помощи и завершения посещения без критических разрывов
Вариативность пользовательских сценариев и возможность выбора	Возможность самостоятельно регулировать характер пребывания	Выбор маршрута, темпа, продолжительности пребывания, уровня активности, способа получения информации; наличие альтернативных сценариев
Сенсорная и информационная предсказуемость	Понятность среды и возможность заранее оценить условия пребывания	Читаемая навигация, доступная предварительная информация, понятность правил и маршрутов, возможность снизить сенсорную нагрузку
Поддерживающая коммуникация и сервис	Характер взаимодействия пользователя с персоналом и системой обслуживания	Корректное предложение помощи, уважение отказа, понятность процедур, различные способы коммуникации, отсутствие избыточных требований для получения поддержки
Участие пользователей	Включение пользовательского	Обратная связь, консультации с

	опыта в оценку и развитие пространства	различными группами пользователей, изучение фактического опыта, учет выявленных барьеров при принятии решений
Адаптивность управления	Способность системы поддерживать качество среды в процессе эксплуатации	Регулярная оценка функционирования пространства, учет сезонных и событийных изменений, мониторинг пользовательского опыта и корректировка решений

Источник: составлено автором

Выделенные критерии образуют взаимосвязанную систему. Наличие отдельного доступного элемента или сервиса само по себе не позволяет судить о сформированности культуры заботы. Его значение определяется местом в общем пользовательском сценарии и связью с другими характеристиками среды. Например, доступность места отдыха зависит от возможности самостоятельно добраться до него, получить информацию о его расположении и использовать его в соответствии с индивидуальными потребностями.

Особое значение в предложенной системе имеет непрерывность пользовательского пути. Пространство может располагать доступным входом, адаптированным санитарным помещением или специальным оборудованием, однако практическая ценность этих решений снижается при наличии барьеров на других этапах посещения. Анализ последовательности взаимодействия со средой позволяет выявлять подобные разрывы и оценивать доступность с позиции фактического пользовательского опыта.

Вариативность сценариев дополняет данный подход возможностью учитывать различия между людьми без избыточного разделения пользователей на устойчивые категории. Наличие выбора позволяет человеку самостоятельно определять приемлемые способы передвижения, получения информации, отдыха и участия с учетом текущего состояния и жизненной ситуации.

Адаптивность управления обеспечивает сохранение этих характеристик во времени. Изменение аудитории, сезонных условий, событийной программы

и интенсивности использования способно создавать новые барьеры. Поэтому культура заботы предполагает регулярное наблюдение за функционированием пространства, получение обратной связи и возможность корректировки решений.

Предложенная система может применяться в двух направлениях. На этапе проектирования она позволяет анализировать будущую среду с точки зрения предусмотренных пользовательских сценариев и механизмов поддержки разнообразных потребностей. В действующем пространстве критерии могут использоваться для изучения фактического пользовательского опыта и выявления несогласованности между отдельными элементами среды, сервисом и управленческими практиками.

Вместе с тем предложенные критерии имеют концептуальный характер и требуют дальнейшей эмпирической апробации. Настоящее исследование не устанавливает количественных нормативов и пороговых значений. Следующим этапом может стать операционализация критериев, разработка системы измеряемых индикаторов и проверка модели на общественных пространствах различных типов.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют рассматривать развитие инклюзивного общественного пространства как расширение предмета проектирования и управления. Нормативная доступность сохраняет фундаментальное значение, поскольку обеспечивает базовые условия использования среды. Однако анализ международных документов и научных исследований показывает, что возможность доступа к объекту не исчерпывает условий полноценного участия человека в его социальной и культурной жизни [6; 7; 8].

Предложенная уровневая модель позволяет развести три взаимосвязанных аспекта этого процесса. Доступность характеризует возможность использования пространства, инклюзивность связана с

условиями участия различных пользователей, культура заботы отражает ценностные основания, определяющие способы проектирования, управления, сервиса и коммуникации. Такое разграничение имеет аналитическое значение и позволяет избежать отождествления инклюзии с совокупностью специальных технических решений.

Полученные результаты согласуются с развитием этики заботы в исследованиях городской среды. В работах М. Уильямс забота связывается с взаимозависимостью, ответственностью и практиками поддержания городской жизни [13]. Дж. Дэвис показывает значение этики заботы для городского проектирования и анализа доступности [9], а концепция *care-full public spaces* рассматривает заботу во взаимосвязи управления, материальной организации и практик использования пространства [14]. Предложенная в настоящем исследовании модель развивает данное направление применительно к проблематике инклюзивного общественного пространства и связывает ценностные основания заботы с критериями, которые могут быть использованы при анализе проектных и управленческих решений.

Существенным следствием такого подхода становится изменение понимания пользователя. Разнообразие потребностей рассматривается с учетом изменчивости человеческих возможностей и жизненных обстоятельств. Это позволяет учитывать ситуации временной или ситуативной уязвимости и анализировать среду с точки зрения ее способности поддерживать различные способы взаимодействия без жесткого разделения людей на нормативных и «особых» пользователей.

Практическая значимость предложенной модели связана с возможностью использовать ее при исследовании проектируемых и действующих общественных пространств. Выделенные критерии позволяют анализировать непрерывность пользовательского пути, наличие выбора, сенсорную и информационную предсказуемость, качество коммуникации и сервиса, участие пользователей и адаптивность управления. Вместе с тем эти критерии пока представляют концептуальную систему и не являются валидированной

методикой оценки. Для ее создания необходимы разработка измеряемых индикаторов и эмпирическая апробация на общественных пространствах различных типов.

Выводы

Проведенное исследование показало, что современное понимание инклюзивного общественного пространства выходит за пределы нормативной доступности. Физические и информационные условия использования среды составляют необходимую основу инклюзии, однако полноценное участие зависит также от пользовательских сценариев, сенсорных условий, коммуникации, сервиса и способов управления пространством.

На основании анализа международных документов, отечественных и зарубежных исследований предложено рассматривать культуру заботы как ценностно ориентированную модель организации общественного пространства, при которой разнообразие физических, сенсорных, когнитивных, возрастных, психологических и социальных потребностей человека учитывается как исходное условие проектирования, управления и организации взаимодействия. Ценностными основаниями данной модели выступают человеческое достоинство, признание разнообразия, участие, безопасность и принадлежность.

Разработана трехуровневая аналитическая модель «доступность – инклюзивность – культура заботы». Доступность характеризует возможность использования пространства, инклюзивность — условия полноценного участия, культура заботы — ценностную логику организации среды. Уровни не являются взаимоисключающими: каждый последующий включает предыдущий и расширяет предмет анализа.

Практическая реализация культуры заботы может оцениваться посредством шести взаимосвязанных критериев: непрерывности пользовательского пути, вариативности пользовательских сценариев и возможности выбора, сенсорной и информационной предсказуемости,

поддерживающей коммуникации и сервиса, участия пользователей и адаптивности управления. Дальнейшее развитие предложенного подхода связано с разработкой измеряемых индикаторов и эмпирической проверкой модели на общественных пространствах различных типов.

Список литературы

1. Быстрова Т. Ю. Концепции создания сенсорно-благополучной среды: от универсального к инклюзивному дизайну // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2026. № 2 (69). С. 75–81. DOI: 10.25628/UNIIP.2026.69.2.010.
2. Дмитриева Н. С., Нартова-Бочавер С. К. Возможности физической среды в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 1. С. 74–81. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2014_n1/68788 (дата обращения: 11.09.2026).
3. Зайцев Д. В., Зайцева О. В., Ярская-Смирнова В. Н. Инклюзивные тренды городского развития: темпорально-пространственные социальные практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 181–191. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-181-191.
4. Зайкова О. Н. Роль библиотеки в создании инклюзивных публичных пространств в городской среде // Вестник культуры и искусств. 2025. № 1 (81). С. 7–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-biblioteki-v-sozdanii-inklyuzivnyh-publichnyh-prostranstv-v-gorodskoy-srede> (дата обращения: 11.09.2026).
5. Тамразова И. Г. Инклюзивная культура как элемент национального наследия: от традиций к современности // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2025. № 57. URL: <https://s.esrae.ru/vsoa/pdf/2025/57/1583.pdf> (дата обращения: 11.09.2026).
6. Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 2 (2014). Article 9: Accessibility. CRPD/C/GC/2. United Nations, 22 May 2014.

URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 11.09.2026).

7. Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 7 (2018) on the Participation of Persons with Disabilities, Including Children with Disabilities, through Their Representative Organizations, in the Implementation and Monitoring of the Convention. CRPD/C/GC/7. United Nations, 9 November 2018. URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 11.09.2026).

8. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: adopted by the United Nations General Assembly on 13 December 2006. Article 9. Accessibility. United Nations, 2006.

9. Davis J. The Caring City: Ethics of Urban Design. Bristol: Policy Press, 2022. DOI: 10.1332/policypress/9781529201215.001.0001.

10. ISO 21542:2021. Building Construction — Accessibility and Usability of the Built Environment. 2nd ed. Geneva: International Organization for Standardization, 2021. 168 p.

11. Tronto J. C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. New York: Routledge, 1993. XII, 226 p.

12. UN-Habitat. Global Public Space Toolkit: From Global Principles to Local Policies and Practice. Nairobi: United Nations Human Settlements Programme, 2015. Revision: February 2016.

13. Williams M. J. The Possibility of Care-Full Cities // Cities. 2020. Vol. 98. Article 102591. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.cities.2019.102591.

14. Williams M., Lloyd J., Narwal H., Houston D., Carter N., Lloyd K., Rennex B. Sustaining Care-Full Public Spaces // Geography Compass. 2025. Vol. 19. No. 6. Article e70030. P. 1–11. DOI: 10.1111/gec3.70030.